Shmitanovskii, V.

Predanie, kak soldat spas Petra Velikago

Moskva

1890

Reel: 51 Title: 1

BIBLIOGRAPHIC RECORD TARGET
PRESERVATION OFFICE
CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

RLG GREAT COLLECTIONS
MICROFILMING PROJECT, PHASE IV
JOHN G. WHITE CHAPBOOK COLLECTION

Master Negative Storage Number: OCI08051.01

Control Number: BGL-4907
OCLC Number : 24804358
Call Number : W 381.5917L Sh68p
Author : Shmitanovskii, V.
Title : Predanie, kak soldat spas Petra Velikago ot smerti u razboinikov / V. Shmitanovskago.
Edition : 4th ed.
Imprint : Moskva : Tip. I. D. Sytina i Ko., 1890.
Format : 72 p. ; 18 cm.
Subject : Peter I, Emperor of Russia, 1672-1725 Legends.
Subject : Chapbooks, Russian.

MICROFILMED BY
PRESERVATION RESOURCES (BETHLEHEM, PA)
On behalf of the
Preservation Office, Cleveland Public Library
Cleveland, Ohio, USA
Film Size: 35mm microfilm
Image Placement: IIB
Reduction Ratio: 8:1
Date filming began: 10/31/94
Camera Operator: AR

ПРЕДАНІЕ
КАКЪ СОЛДАТЪ СПАСЪ ПЕТРА ѲЕЛИКАГО ОТЪ СМЕРТИ
У РАЗБОЙНИКОВЪ

5

ПРЕДАНІЕ,

КАКЪ СОЛДАТЪ СПАСЪ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО

ОТЪ СМЕРТИ

У РАЗБОЙНИКОВЪ.

Shmitanovskii

В. Шмитановскаго.

Изданіе четвертое.

МОСКВА.
Типографія И. Д. Сытина и К°., Валовая ул., собствен. домъ.
1890.

Дозволено цензурою. Москва, 30 мая 1890 г.

ПРЕДАНІЕ,

КАКЪ СОЛДАТЪ СПАСЪ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО

ОТЪ СМЕРТИ У РАЗБОЙНИКОВЪ.

Въ одинъ пасмурный вечеръ августа мѣсяца 1718 года, въ пустомъ лѣсу, отстоявшемъ недалеко отъ Петербурга, слышались продолжительные звуки роговъ и потомъ совершенно затихли. Черезъ нѣсколько времени въ лѣсу показался человѣкъ, который шелъ тихими шагами и что-то бормоталъ подъ свой носъ. Этотъ человѣкъ былъ отставной солдатъ; онъ шелъ изъ отпуска въ Петербургъ.

— Эка дьявольщина! — сказалъ солдатъ громко, — да не лѣшій ли водитъ меня по весь по этому проклятому лѣсу; еще вчера я вышелъ изъ Новгорода сегодняшнюю ночь, говорили, что въ десять часовъ утра, мнѣ и сказали здѣсь мужики, что до Питера не больше осталось пройти мнѣ, какъ верстъ двадцать пять, но что-то не такъ вѣрно, — не такъ мало

дороги, какъ они говорили; тутъ по двадцатью пятью верстами пахнетъ — вотъ ужъ будетъ теперь, кажись, шесть часовъ, какъ я хожу по этому проклятому лѣсу, а дороги нѣтъ, какъ нѣтъ. Кабы это было лѣтомъ,—продолжалъ онъ, — да въ хорошую погоду, такъ я бы и не потужилъ, — легъ бы себѣ спать на любомъ мѣстечкѣ; а теперь, вѣдь, не лѣтняя пора—осень,—люди говорятъ, значитъ нельзя расположиться, гдѣ душеньке угодно, а надобно искать ночлега, а гдѣ его сыщешь, вѣдь вотъ задача!

И онъ, продолжая бормотать, брелъ потихоньку. Вдругъ изъ-за деревъ выѣхалъ всадникъ, красивой и величественной наружности; онъ одѣтъ былъ въ зеленое полукафтанье, опоясанное ремяннымъ кушакомъ, обитымъ серебряными бляхами; черезъ плечо на цѣпочкѣ у него висѣлъ серебряный рогъ; это былъ Петръ Великій. По совѣту бояръ и по просьбѣ царицы, чтобы разсѣять грустныя думы, онъ отправился на охоту. Охота была въ этотъ день неудачная, и государя въ до-

[illegible], увлекшись за бѣгущей ланью, гналась за нею и, долго гонясь, наконецъ, потеряла ее совсѣмъ изъ виду. Государь не видѣлъ, когда гналась, куда онѣ заѣхали, но когда лань скрылась отъ его глазъ совершенно, тогда только Петръ замѣтилъ, что онъ заѣхалъ далеко, и совершенно одинъ; онъ сталъ трубить; издалекъ чуть слышно отвѣчали ему, и онъ поѣхалъ на звукъ, но и тутъ ошибся, онъ поѣхалъ не въ ту сторону, гдѣ слышны были ему рога, и совершенно заблудился, — напрасно онъ трубилъ въ рогъ, ему отвѣчало одно эхо, а время клонилось уже къ вечеру. Проплутавъ нѣсколько времени, онъ наткнулся на солдата. Петръ былъ радъ встрѣчи и спросилъ радостно солдата:

— Эй, дядя, куда проѣхать на Питеръ?

Солдатъ поднялъ голову и, взглянувъ на Петра, отвѣчалъ, не узнавъ, что говоритъ съ своимъ государемъ:

— А кто ее знаетъ! Я самъ не знаю, какъ отыскать ее: вотъ ужъ часовъ пять или шесть, какъ я самъ ищу ее, да все она [illegible]

[illegible], какой-то чертовскій лѣсъ, — сколько ни иди, все на одномъ мѣстѣ будешь.

— Поэтому мы оба съ тобою плутаемъ? — спросилъ Петръ.

— Да должно быть что такъ.

— А ты въ какомъ полку-то служишь? — спросилъ государь опять солдата.

— Мало ли я въ какомъ служилъ, а теперь служу въ Невскомъ. А ты изъ какихъ? — спросилъ солдатъ.

— Я царскій охотникъ, а зовутъ меня Григоріемъ, — отвѣчалъ государь. — Царю вздумалось, — продолжалъ онъ, — поохотиться въ этомъ лѣсу, я погнался за звѣремъ, да и потерялся.

— Что же ты, дядя, остановился? — спросилъ Петръ солдата, — ступай рядомъ съ моею лошадью, — вдвоемъ-то будетъ гораздо веселѣе.

— А я, братъ любезный, хотѣлъ было лечь подъ деревомъ.

— Э, полно, что вы, дядя! пойдемъ лучше, выберемся на дорогу, такъ переночуемъ.

— Ну, ну, пожалуй!

Государь поѣхалъ шагомъ, а солдатъ потащилъ свои усталыя ноги, бредя возлѣ его лошади. Скоро миновали они поляну и вступили въ лѣсъ.

Солдатъ, будучи словоохотливъ, болталъ безъ умолку, а Петръ молчалъ и изрѣдка отвѣчалъ на частые вопросы служиваго.

Служивый часто посматривалъ на Петра и, видя, что тотъ какъ бы нехотя отвѣчалъ на его вопросы, спросилъ Петра:

— Что ты, братъ, такой скучный? Не[illegible]-то [illegible], будь повеселѣе; скукой, братъ, двойную скуку наводишь.

— Ты изъ крестьянъ? — спросилъ Петръ служиваго, начиная быть менѣе задумчивымъ.

— Изъ крестьянъ, братъ Гриша, а что тебѣ, зачѣмъ?

— Давно ли ты поступилъ въ солдаты?

— Да ничего-таки, давненько, годъ за три до перваго похода подъ Нарву.

— А-а! Значитъ ты побывалъ подъ Нарвой?

— Былъ, былъ! это мой первый походъ.

— Поучили-таки шведы насъ подъ Нарвою, какъ воевать нужно! вѣдь насъ было тридцать тысячъ, а мы дали себя разбить!..

— Э-эхъ, Гриша, братъ! не мудрено было тогда шведу колотить насъ! что мы были за солдаты? просто солдатишки, не въ одномъ сраженьи не бывали, два года только были еще и на службѣ-то. Были какъ деревенскіе,

ничего не понимали военнаго дѣла... Ну, да и голодали мы больно, подвоза провіанта не было, частыя были измѣны — эти проклятые нѣмцы, наши командиришки, все перебѣгали къ шведамъ; ну зато и шведы отъ насъ поплакали-таки подъ Полтавою; мы имъ показали себя!..

— Ты и подъ Полтавою дрался?

— Дрался, да еще какъ натѣшились мы! тогда порадовались наши душеньки; попригали гг. шведы подъ нашу дудку, потѣшили мы себя на славу, отплатили шведамъ за нашу православную вѣру и царя-отца нашего.

— А знаешь ли ты царя-то въ лицо? — спросилъ Петръ служиваго.

— Эва-на, что сказалъ: еще бы не знать? — отвѣчалъ служивый, — онъ ростомъ-то будетъ повыше тебя, подумаешь, какой молодецъ-то у насъ царь! дай Богъ ему пожить побольше.

— Ну, а скажи мнѣ, — спросилъ Петръ служиваго, что, хороши ли у васъ командиры, вы довольны ли ими?

— Довольны, братъ Гриша, ничего-таки; да вѣдь и то сказать, у нашего царя-батюшки никто своего дѣла не забудетъ. Онъ сразу узнаетъ, кто хорошъ, кто худъ. Ты, я думаю, помнишь, когда мы вели войну со шведомъ, Питеръ окружили рогатками. Подлѣ нихъ разставили часовыхъ затѣмъ, чтобы ни одинъ шведъ не проскользнулъ въ Питеръ, да не надѣлалъ бы чего недобраго. Вотъ въ одну ночь, онъ, нашъ батюшка, задумалъ развѣдать, вѣрны ли у него часовые подлѣ рогатокъ.

Одѣлся онъ по-шведски, какъ одѣваются шведскіе купцы и подошелъ тихо къ одному часовому.

— Послушай-ка, служивый, пропусти меня черезъ рогатку: я тебѣ за это дамъ рубликъ.

— Проходи! — крикнулъ часовой, замахнувшись на него кулакомъ, — я съ тебя пяти не возьму!

— Ну, я тебѣ дамъ хоть десять.

— Проходи мимо, не пропущу, а не уйдешь, заколю тебя!

Государь оставилъ этого часового и пошелъ къ другому, сталъ и этого просить, чтобы пропустилъ его за рогатку, обѣщая ему дать хорошія деньги. Дернулъ чортъ часового: пропустилъ онъ государя за пять рублей черезъ рогатку. На утро, съ барабаннымъ боемъ, повѣстили всѣмъ намъ, что перваго часового жалуетъ капраломъ и даритъ ему десять рублей, а второго приказалъ повѣсить.

Долго солдатъ разсказывалъ Петру разныя разности, идя подлѣ его лошади. Часа полтора или два прошло, какъ они вступили съ долины въ лѣсъ, а онъ все не кончается. Нашъ служивый вышелъ совершенно изъ терпѣнія.

— Скоро ли будетъ конецъ этому чортову лѣсу! Хоть бы его чортъ на растопки искололъ! Вотъ ты, Гриша, уговорилъ меня тащиться за тобою: тебѣ хорошо ѣхать-то, а мнѣ, братъ, не такъ сначно за тобою тащиться.

— Ужъ куда-нибудь да выѣдемъ же, — сказалъ Петръ, — а если ты умаялся, то садись со мною на лошадь.

— Нѣтъ, братъ, Гриша, я и глядѣть-то боюсь на лошадь, а не то чтобы еще ѣхать на ней — вѣдь если съ ней слетѣть-то придется, такъ не вкусно покажется. Знаешь, что, Гриша: ты бы по матросски вскарабкался бы на дерево да и посмотрѣлъ бы съ него — нѣтъ ли гдѣ избушки хоть какой-нибудь, что-ли, или хоть огонька.

— Пожалуй, влѣзу. Только ты смотри, дядя, не ускачи отъ меня.

— Что ты! развѣ я разбойникъ какой, что ли, чтобы оставить тебя сидѣть на деревѣ,

валъ бѣдняга. Уже если пришлось намъ ни-какъ, такъ достанемъ же-таки весело. — И при послѣднихъ словахъ солдата государь влѣзъ на дерево. Солдатъ взялъ его лошадь подъ уздцы и, похлопывая ее рукою, приговари-валъ: — Экой конь-то добрый, славный конь-то. Ну, если бы нашъ-то Петръ былъ плутъ какой-нибудь, то непремѣнно бы ускакалъ на этакомъ славномъ конѣ! — Гладилъ, гладилъ ко-ня служивый, да и задѣлъ рукою за жестяную фляжку, которая была привязана къ сѣдлу ло-шади.

— Э, — пробормоталъ служивый, ощупавъ фляжку, — ужъ не съ водкой ли она? Дай-ко откупорю. Э, э, э, сдѣлать не мѣшало: за тутъ анисовая! Это славно, ну-ка попробовать, не выдохлась ли? Ухъ какая славная, вишь годовалая; очень хороша, право хороша! Влѣ-зай, влѣзай, Гриша, а я за твое здоровье здѣсь хлебну! — и онъ потянулъ изъ фляжки.

Между тѣмъ Петръ уже взобрался на вер-шину дерева и долго разсматривалъ [illegible]

ныя стороны въ какой-то задумчивости, но солдатъ, оторвавшись на минуту отъ фляжки, закричалъ ему:

— Ну, что, братъ Гриша, даетъ ли что Богъ?

Петръ не отвѣчалъ: онъ все смотрѣлъ въ лѣвую сторону.

Солдатъ тѣмъ временемъ докончилъ все вино, и фляжка опустѣла, онъ, видя, что уже она для него безъ цѣлительнаго нектара ничего не стоитъ, повѣсилъ ее на прежнее мѣсто.

— Ну, что, даетъ ли Богъ что?—спросилъ онъ опять Петра.

Въ этотъ разъ Петръ отвѣчалъ:—Влѣво, недалеко блеститъ огонекъ. Кажись, дорога наша идетъ прямо на него! Не волкъ ли это?

— Нѣтъ, это огонь,—и Петръ, окинувъ взоромъ вокругъ себя, спустился на землю.

— Ну, слава Богу, служивый! влѣвѣ огонекъ видится,—сказалъ Петръ, [illegible] побудившей [illegible].

Солдаты были употребляемы на порубкахъ отъ опустошенія [illegible].

— Слава Богу! — говорилъ онъ; — садись скорѣй, Гриша, на лошадь да и пустимся; мнѣ ѣсть, какъ собакѣ хочется, право. Въ карманѣ у меня одни сухари черные лежать, а какъ придемъ куда ночевать, авось что и посмачнѣе найдется.

Петръ вскочилъ птицею на сѣдло коня.

— Ну, хочешь, садись со мною, дядя, поѣдемъ рысцой, — сказалъ онъ служивому.

— Нѣтъ, нѣтъ, братъ Гриша, избавь меня отъ этого, сдѣлай милость; — лучше поѣзжай потихоньку, да не покидай меня одного среди этого лѣса; меня, братъ, безъ тебя, Гриша, съѣдятъ-те мухи, волки закусаютъ, а если ты поѣдешь со мною, то я пригожусь тебѣ, а на лошадь твою мнѣ садиться не приходится — [illegible] садись, такъ я не отойду десяти шаговъ, [illegible] полечу вверхъ тормашками. [illegible] крѣпокъ напатокъ-то ты возишь съ собою?

— Не бойся, дядя, я тебя не покину, станемъ вмѣстѣ подвигаться впередъ.

Сказавъ это, Петръ поѣхалъ шагомъ попрежнему. Солдатъ пошелъ около лошади. Только валежникъ хрустѣлъ подъ ногами служиваго.

Государь маленькою рысью не успѣвалъ ѣхать за солдатомъ и долженъ былъ ѣхать шибче. Такъ улепетывалъ служивый, повременамъ покрякивая: онъ былъ радъ, что скоро надѣялся придти на покой въ какое-нибудь жилье.

— Ого-го, служба! вижу ты жилью-то обрадовался, да и на лошади не могу поспѣть за тобою, — вишь ты какъ улепетываешь.

— Эхе, братъ Гришка, у меня ужь [illegible] такой: [illegible] такъ идти, а стоитъ часъ [illegible]! [illegible] я на своемъ вѣку-то немало, брате, слава Богу, [illegible] шибче, [illegible] она [illegible] нѣсколько

— Вотъ-те [illegible] сказалъ Петръ, — ты что-то вдругъ развеселился, ужъ и пѣсни сталъ распѣвать.

Лишь только служивый кончилъ пѣсню, какъ впереди, между деревъ, появился просвѣтъ, послышался съ той стороны собачій лай, и черезъ нѣсколько времени служивый съ Петромъ были невдалекѣ отъ каменнаго двухъэтажнаго дома, построеннаго посреди небольшой поляны, опоясанной со всѣхъ сторонъ сосновымъ лѣсомъ. Въ одномъ изъ верхнихъ оконъ дома свѣтился огонекъ. Невысокое деревянное строеніе съ навѣсомъ помѣщалось невдалекѣ отъ дома и, вмѣстѣ съ домомъ, было окружено довольно высокимъ деревяннымъ заборомъ.

— Это те, свадятъ те нуки, куда это мы попали? — сказалъ служивый, — ужъ не къ расбойникамъ ли? Это не похоже на избушку лѣсничаго, это барскія хоромы.

Если бы государь былъ въ веселомъ расположеніи духа, онъ [illegible]

глуши обширнаго лѣса привела бы царя въ удивленіе и обратила бы на домъ этотъ все его вниманіе. Но теперь это подѣйствовало слегка. При сильномъ лаѣ собакъ на дворѣ около забора выѣхалъ на поляну Петръ и минутъ съ пять окидывалъ глазами это лѣсное жилище.

Между тѣмъ солдатъ былъ уже около широкихъ новыхъ воротъ дома, надѣясь, что въ этихъ хоромахъ можно найти пищу гораздо вкуснѣе его черныхъ сухарей. Онъ сталъ пробовать ворота и калитку и, видя, что всё было заперто, обратился къ Петру:

— Нѣтъ, братъ Гриша, со двора заперто! — и онъ началъ стучать безъ милосердія въ ворота кулакомъ и ногами; но сколько онъ ни барабанилъ въ ворота, все было напрасно: на дворѣ ничего не было слышно, кромѣ громкаго лая собакъ, которыя надрывались, воя и лая. Наконецъ и Петръ присоединился къ служивому, и они оба начали стучать и кричать, чтобы имъ отворили; но все было на-

кричать: никто не пошелъ отворять имъ, да наконецъ Петръ замѣтилъ, что огонь въ окнѣ пропалъ совершенно.

— Что тутъ чортъ, что ли, живетъ?—закричалъ съ досадою служивый,—да и тотъ пробудился бы, если онъ и спалъ бы! Да вотъ постой-ко, братъ Гриша, я камнищемъ начну будить,—и онъ, поднявъ съ земли огромный камень, началъ имъ барабанить въ ворота— только слышался по лѣсу одинъ глухой гулъ отъ ударовъ, а на дворѣ ничего не было слышно; однѣ только собаки болѣе и болѣе хрипли отъ своего лая.

— Черти тутъ живутъ, или люди живые, или покойники? — кричалъ солдатъ, сердясь болѣе и болѣе.—Что вы, проклятые, думаете? анаѳемы вы этакіе, вы думаете: постучать, постучать да и прочь пойдутъ? Нѣтъ, напрасно такъ думать изволите: не уйду отъ дома, пока не отворите, цѣлую ночь буду стучать, [illegible] сколько силы хватитъ, а ужъ отворить заставлю васъ, дьяволовъ! Подъѣзжай-ко, братъ Гриша, поближе къ воротамъ. Я влѣзу къ тебѣ

на лошадь, перемахну черезъ ворота, растворю ихъ да и впущу тебя съ твоей лошадкой на дворъ, такъ дѣло-то лучше сладится.

— Догадался ладно, служивый! Вѣрно тутъ ужъ не глухіе живутъ, а просто нарочно не хотятъ слышать, — и съ этими словами Петръ поставилъ свою лошадь къ самымъ воротамъ.

— А вотъ, постой-ко, когда не хотѣли насъ услышать, такъ не захотятъ ли увидать насъ! — говорилъ солдатъ, влѣзая на лошадь; потомъ съ лошади онъ вскарабкался на ворота и, махнувъ черезъ нихъ на дворъ, съ звукомъ тр...р...р... — правая рука его зацѣпила за гвоздь и онъ разорвалъ рукавъ мундира и оцарапалъ себѣ руку.

— Чтобы черти затащили того въ тебѣ въ преисподнюю, кто живетъ въ этой проклятой берлогѣ! Чтобы чортъ скрючилъ того въ три дуги, какъ камышевую палку! — кричалъ и ругался служивый безъ милосердія обвязывая себѣ руку и съ бранью уже слѣзалъ за воротами

Пять огромныхъ собакъ бросились на нежданнаго гостя и готовились его разорвать въ куски.

— Вотъ я васъ, проклятыя! — крикнулъ солдатъ, замахнувшись на нихъ. Но онѣ еще пуще стали лаять и кидаться; двѣ собаки бросились къ нему подъ ноги, чтобы укусить, но служивый выхватилъ свой тесакъ и такъ ловко попотчевалъ одну и другую, что онѣ ушли съ воемъ, истекая кровью, а остальныя собаки бросились назадъ. Отпирая ворота, заложенныя часовомъ и откладывая подворотню, служивый бѣсился и ругался безъ милосердія.

— Экіе проклятые, — говорилъ онъ, — глупые черти, по милости вашей я казенный мундиръ изорвалъ, да еще въ добавокъ руку оцарапалъ. Чтобы вамъ за это, анаѳемамъ, лопнуть пополамъ, чтобы на васъ чума нашла, чтобы ни на здѣшнемъ, ни на томъ свѣтѣ вамъ покоя не было!

— Что ты такъ разсердился на собакъ, за-

чѣмъ перерубилъ ихъ? — сказалъ Петръ, въѣзжая на дворъ и увидѣвъ на дворѣ двухъ собакъ, плавающихъ въ крови.

— Да, тебѣ не што-таки разсуждать-то, ты сидишь на лошади и въ усъ не дуешь, а вотъ мнѣ-то каково, пѣшему между собакъ—того и гляди, что заѣдятъ, проклятыя!

Въ это самое время отворилась дверь дома, къ которой вела ступенекъ о шести лѣстница съ деревяннымъ навѣсомъ; крестьянская баба съ фонаремъ въ рукахъ вышла встрѣчать пріѣзжихъ, кланяясь имъ въ поясъ, она проговорила: — Милости просимъ! милости просимъ!

— Вѣдьма, ты эдакая кіевская, чертово дѣтище!—этими словами встрѣтилъ солдатъ крестьянку, подбѣгая къ крыльцу;—чтобы дочери твои за чертей вышли, сыновья на вѣдьмахъ женились, чтобы внуками у тебя чертенята были! Или тебѣ, проклятой, навозомъ кто уши законопатилъ? Экая ты злющая!

битый часъ стучали мы въ ворота, а чай, всѣхъ воронъ по лѣсу спутали, а ты не слыхала, вѣдьма! По твоей дьявольской милости разорвалъ я казенный мундиръ да распоролъ руку. Ты со мною даромъ не раздѣлаешься, съѣдятъ-те мухи; пересчитаю я у тебѣ кулаками всѣ ребра!

— Что ты, батюшка, служивый, такъ осерчалъ на меня, за что, кормилецъ?—говорила баба, кланяясь въ поясъ.

— Полно, служивый, перестань браниться,—сказалъ Петръ:—или не знаешь обычая, что во многихъ деревняхъ не пускаютъ проѣзжихъ на ночлегъ, а какъ войдутъ сами, какъ мы съ тобой, то хозяинъ не знаетъ чѣмъ и потчивать. Не такъ ли, тетушка?—прибавилъ Петръ, подъѣхавъ за солдатомъ къ крыльцу и слѣзая съ лошади.

— Вѣстимо такъ, родимый!—отвѣчала съ низкимъ поклономъ Петру крестьянка.

— Тебѣ, братъ Гриша, хорошо толковать-то, у тебя все цѣло; а я какъ съ заплатою въ полкъ покажусь? — кричалъ солдатъ, размахивая руками, словно у себя дома. — Чтобы чортъ съѣвалъ тебя, проклятую бабу, вмѣсто сухой лепешки или сухаря. Что вы за люди такіе? говори, проклятая!

— Не гнѣвайся, батюшка, мы люди бѣдные, кормилецъ. Сожитель мой промышляетъ звѣриной охотой въ этомъ лѣсу, — отвѣчала крестьянка, съ поклономъ въ поясъ.

— Да гдѣ жъ онъ у тебя, что нейдетъ встрѣчать насъ, съѣдять-те мухи?

— Не бывалъ еще съ охоты, батюшка; онъ ранёнько утромъ выѣхалъ, а хотѣлъ пріѣхать поздно; мы, батюшка, люди бѣдные, — прибавила она.

— Бѣдные вы люди, а какіе кони важные! — сказалъ солдатъ, смотря на лошадей, стоявшихъ на дворѣ.

— Такіе нужны по ремеслу нашему гоняться за звѣрями, кормилецъ.

Когда Петръ съ солдатомъ началъ разсѣдлывать лошадь, то первый, отвязавъ отъ сѣдла флягу, чтобы положить ее за пазуху, почувствовалъ ея легкость; онъ тряхнулъ ею,— ничего и не болтается.

— Эй, братъ, служивый, вотъ отчего ты развеселился-то! пустехонько,— хоть бы глотокъ мнѣ оставилъ, злодѣй! — проговорилъ Петръ, тряхнувъ флягою и пустую опять привязалъ къ сѣдлу.

— Не прогнѣвайся, братъ Гриша поздравилъ тебя, какъ влѣзъ ты на сосну,— проговорилъ откровенно служивый, разсѣдлывая и разнуздывая съ Петромъ лошадь,— духомъ это было единымъ. Лошадь поставили въ стойло, привязали. Солдатъ насыпалъ ей овса, накидалъ сѣна и молвилъ:

— Понеже теперь выдуть съ дороги всей го-

дится, каждый разъ запоешь — пускай простынетъ.

— Да ужъ не знаю, развѣ она да ты, служивый, распотѣли, а я еще что-то озябъ, такъ и подмываетъ меня въ хату, — сказалъ Петръ. — Пойдемъ, служивый; пойдемъ, хозяйка, свѣти-ко намъ да веди насъ къ себѣ въ гости.

Петръ отворилъ дверь и пошелъ изъ конюшни, а за нимъ отправился и солдатъ съ крестьянкой, которая, опередивъ Петра, освѣщала ему фонаремъ дорогу.

— Эхъ, ты, замерзлый какой, братъ Гриша, а мнѣ такъ право до смерти жарко, — говорилъ служивый.

— Да, дядя, можетъ быть и я бы не озябъ, если бъ ты не всю зимовку [illegible], — сказалъ Петръ, не оставляя своей задумчивости.

Петръ прошелъ дворъ, и между тѣмъ, какъ хозяйка запирала ворота, онъ вошелъ на

крылецо и, отворивъ дверь, вступилъ въ пус-тыя, довольно обширныя сѣни. Дверь направо отворилась, изъ нея вышла встрѣчать гостей молодая крестьянская дѣвушка съ свѣчкою въ рукахъ.

Тутъ сѣни, съ помощію этой свѣчки и фонаря, съ которымъ подосвѣчивала хозяйка, вполнѣ освѣтились. По лѣвую сторону сѣней шла около стѣны не широкая, но крутая лѣстница на чердакъ, къ открытому творилу входа погребного. Это только замѣтилъ служивый, вѣроятно оттого, что, вошедъ въ сѣни, онъ напалъ глазами прямо на эту лѣстницу; но онъ не увидѣлъ тутъ дровъ, кочерги, ухватовъ или другихъ домашнихъ утварей, не замѣтилъ даже лоханки, метлы и лопаты, которыя стояли въ углу, какъ часовые.

Дѣвушка, очень хорошенькая личикомъ, молча поклонилась гостямъ и просила ихъ, указывая рукою молча, направо чрезъ отворенную дверь, въ большую бѣлую избу. Петръ первый вошелъ въ избу. Россія, любезнѣйшая

и хорошо сложенная печь стояла налѣво отъ двери; на другомъ концѣ печки былъ сдѣланъ на нее входъ. Кругомъ всей избы, кромѣ печи, тянулись широкія деревянныя лавки, направо въ углу стоялъ небольшой образокъ, закопче-ный отъ времени, такъ что живопись кой-гдѣ только оставила знаки, что это былъ написанъ ликъ угодника; у окна стоялъ большой четы-рехъ-угольный столъ, вымытый очень чисто; налѣво была видна дверь въ затворенную каморку.

Петръ вошелъ въ избу, снялъ съ головы шляпу и, помолясь на образъ, сѣлъ на лавку.

Въ это время вошелъ и солдатъ; онъ стащилъ съ своей головы шапчонку и, помолясь на образъ, закричалъ хозяйкѣ:

— Эй, ты, дьяволъ косматый, зашей-ка мнѣ мундиръ, а не то я тебѣ задамъ перцу!

— Полно, кормилецъ, лаяться-то! Я пожа-луй зашью, только перестань браниться.

— Замывай тотчас, воронье пугало, вотъ я сяду! — Сказалъ рыжій, сѣвши на лавку, поблизости отъ сѣнной двери и, взглянувъ на хозяйскую дочь, сказалъ ей ласково: — А ты, красавица нарядная, приготовь намъ хорошенькаго чего-нибудь поужинать.

Петръ, облокотясь на столъ, поддержъ руками голову, опушенную подстриженными темнорусыми или болѣе черными волосами. Его полное, нѣсколько смугловатое лицо и черные огневые глаза выражали великій умъ, доброту и строгость, а небольшіе черные усы придавали ему видъ болѣе величественный; зеленый кафтанъ, на манеръ польскаго, составлялъ одежду Петра; черезъ плечо, на серебряной цѣпочкѣ, висѣли рогъ и пороховница. Петръ нѣсколько времени сидѣлъ съ опущенною головою, но потомъ онъ поднялъ ее и проговорилъ:

— Хозяйка, дай-ко мнѣ чего-нибудь винца, да закусить, а ужинать мнѣ что-то не хочется!

Хозяйка, шедшая за иглою, остановилась и, поклонись въ поясъ Петру, проговорила:

— Отцы мои родные, не гнѣвайтесь, милосердные! нечего мнѣ дать вамъ выпить. Что было простого вина, все взялъ мой хозяинъ съ собою въ дорогу, да нынче для двоихъ насъ и кушанья-то я не готовила: сами съ дочерью ѣли щи да кашу.

— Что, что? ахъ ты, старый дьяволъ! чтобы у тебя не было вина, да чего-нибудь съѣстного, кромѣ вчерашнихъ щей съ кашею?—закричалъ солдатъ.

— Нѣтъ, отцы мои, ничего кромѣ, хоть сами въ печкѣ обыщите.

— Ну ладно, ладно, нечего суетиться, зашивай мнѣ мундиръ-то, а тамъ я самъ объ остальномъ распоряжусь.

Хозяйка, поклонись солдату, поставила свѣчку на скамейку и, сдѣлавъ знаками нѣмой дочери,

чтобы она накрывала на столъ и вынимала изъ печи кушанье, а отдавъ приказаніе, принялась зашивать рукавъ мундира.

Служивый не обращалъ вниманія на работу хозяйки, а болѣе смотрѣлъ на работу хозяйской дочери, которая, постлавъ кусокъ холстины среди стола, положила коровай чернаго хлѣба и ложки.

Задумчивый Петръ, не обращая ни на что вниманія, былъ занятъ только своими думами; но солдатъ посматривалъ во всѣ стороны.— Покамѣстъ хорошо, что-то будетъ дальше!— да какъ вдругъ вскочитъ:

— Ой! что ты, дьяволъ старый, колешься иглой-то, или хочешь тѣло пришить къ сукну?

— Прости, кормилецъ, рука потряслась нечаянно, человѣкъ-то старый, — проговорила хозяйка, затягивая узелъ и тѣмъ оканчивая работу:—ну, вотъ, кормилецъ, и готово.—

добавила она и, съ этими словами, откусавъ нитку и воткнувъ иголку въ загрудникъ сарафана, отошла въ сторону.

— Ну, вотъ, ладно, — сказалъ солдатъ, посмотрѣвъ на зашитый рукавъ. Бодро вскочивъ со скамейки, служивый сталъ среди избы и громко закричалъ на хозяйку: — Или ты шутишь, что намъ нѣтъ ничего у тебя выпить да поѣсть, кромѣ вчерашнихъ щей да каши?

— Нѣту, родной мой сударикъ,—говорила хозяйка, открывъ заслонку и ухватомъ вытаскивая изъ печи горшокъ со щами:—вотъ ты самъ въ печи посмотри!—прибавила хозяйка.

— А что же ты думаешь, не посмотрю, что ли? Всю у тебя печь избарабошу!

Служивый бросился къ печкѣ въ то самое время, когда хозяйка наливала щи изъ горшка въ чашку; нашъ солдатъ едва далъ ей окончить это и отправиться къ столу съ чашкой,

изъ которой шелъ легкій паръ. Служивый схватилъ ухватъ и ну шарить въ печкѣ: только и попался одинъ горшокъ; онъ вытащилъ его.

— Сухая, кажись, недѣльная каша!—Шарилъ солдатъ, шарилъ во всѣ стороны по печи, всю золу перерылъ, а ничего нѣтъ и малаго горшечка не попадаетъ. — Ну, что, братъ Гриша, хоть щи-то каковы?—крикнулъ онъ, обращаясь къ Петру, и съ сердцемъ бросилъ ухватъ въ уголъ, такъ что по близости сидѣвшій на лавкѣ сѣрый котъ вспрыгнулъ на аршинъ и бросился подъ лавку.

Петръ заглянулъ въ чашку.

— Ну, дядя, — сказалъ онъ,—другая вода пожирнѣе да и получше бываетъ, чѣмъ эти щи!

— Такъ что жъ ты, съѣдать-те мухи, старый дьяволъ, смѣешься что ли надъ нами? Врешь ты, анаѳема, пугало проклятое: у тебя

вѣрно гдѣ-нибудь съѣстное спрятано. Сейчасъ подавай его. Ты знаешь ли кто мы? Я вѣрный солдатъ батюшки императора Петра Алексѣевича, а этотъ — самый любимый его охотникъ! Гдѣ хочешь возьми, а вина намъ неси да какой-нибудь закуски, получше этихъ щей; ты вѣрно наварила ихъ для собакъ, а людей, старый чортъ, вздумала ими потчевать.

Увидѣвъ обнаженный тесакъ солдата, баба повалилась въ ноги служивому.

— Отецъ родной, рада бы, голубчикъ, такихъ гостей напоить, накормить до сыта, да взять негдѣ, мой отецъ. Помилуй меня: не губи грѣшной души моей, отпусти на покаяніе.

— Врешь, старая собака, обманываешь насъ такъ же, какъ сперва не отпирала воротъ.

— Я не обманываю! Молоко, если хотите, родимый, то пейте, сколько душѣ угодно.

— Сама ты его трескай на ночь, а я нынче умаялся—такъ спать хочу. Ты тутъ на печи-то цѣлый день лежишь, а я землю мѣрилъ.

— Покинь ее, служивый, да садись—ѣшь хоть щи, вѣрно и въ самомъ дѣлѣ у ней нѣтъ ничего, кромѣ этихъ щей,—проговорилъ Петръ, выходя немного изъ задумчивости и взглянувъ на солдата.

— Нѣтъ, батюшка, отецъ родной, нѣтъ,—хныкала жалобнымъ голосомъ хозяйка, повернувшись на колѣнкахъ къ Петру и смотрѣла на него съ умоляющимъ видомъ.

— Что ты, Гриша, вѣришь этой вѣдьмѣ? Ты сиди себѣ и не мѣшайся, гдѣ тебя не спрашиваютъ! — крикнулъ солдатъ, мигнувъ глазомъ Петру, и снова принялся кричать на хозяйку, что было мочи:—нѣтъ у тебя, ахъ ты змѣя подколодная, вишь ты отъѣлась, какъ быкъ черкасскій, а съ такихъ щей небось не больше растолстѣла бы! Ну, что же, ста-

рый хорекъ, говоря скорѣе, куда ты запрятала и водку и съѣстное?

Петръ снова погрузился въ задумчивость.

— Отецъ родной, не губи меня, помилуй! право нѣтъ ничего!—завопила дико хозяйка, бросившись въ ноги служивому.

Въ то время дочь хозяйки, стоявшая поодаль и блѣднѣвшая болѣе и болѣе, при страшномъ возгласѣ солдата, вдругъ бросилась къ поставцу, находившемуся подъ образомъ. Но мать хотѣла остановить ее глазами; служивый замѣтилъ это; онъ вложилъ тесакъ въ ножны и бросился къ поставцу, но тотъ былъ запертъ. Служивый, не разговаривая болѣе, схватилъ топоръ и мигомъ сбилъ запоръ, открылъ поставецъ,—и что же? Въ поставцѣ на полкахъ лежали и жареная говядина, и ветчина, и гусь, и стклянка полная вина, вишнёвою въ штофѣ. Солдатъ вытащилъ пробку изъ стклянки, понюхалъ, хлебнулъ.

— Э, э, донская водка! Смачно. Ну, ѣдать

те мухи, старый бѣсъ, какое раздолье!—встрѣчалъ онъ, весело посматривая на поставецъ, наполненный разными яствами.—Ахъ, ты, дьяволъ, мошенница, вѣдьма, плутовка старая! Для кого это ты оставляла, припрятала? Онучка проклятая, какъ у тебя зенки-то могутъ смотрѣть еще, окаянная?

Этимъ солдатъ заключилъ свою рѣчь и принялся таскать на столъ все, что было въ поставцѣ. Петръ улыбнулся, глядя на хозяйничество служиваго; но хозяйкѣ было не до того; она злобно посмотрѣла на дочь и солдата, который теребилъ ветчину.

— Ну, спасибо тебѣ, красавица,—молвилъ служивый хозяйской дочери.—Ты уродилась вѣрно не такою, какъ вѣдьма твоя матушка; вотъ мы и выпьемъ съ Гришкою за твое здоровье да пожелаемъ тебѣ жениха хорошаго, какъ и сама ты.

Съ улыбкою радости, посматривая на столъ, наполненный съѣстнымъ, а въ особенности на

стклянку, служивый тихо ударилъ Петра по плечу:—тьфу ты, съѣдатъ те мухи! какой славный ужинъ мы съ тобою достали! Ну-ка, Гриша, откупоривай стклянку да наливай себѣ и мнѣ донской-то: дай-ко мы съ тобою даровагото попробуемъ.

— Наливай-ко ты самъ,—отвѣчалъ Петръ, кивнувъ головою на стклянку.

Вмигъ чарки были наполнены. Петръ и солдатъ взяли ихъ въ руки, говоря хозяйской дочери: «Ну, красавица, за твое здоровье!» и мигомъ осушивъ ихъ, принялись, крестясь, ужинать. Петръ ѣлъ очень мало, — онъ не выходилъ изъ задумчивости. Но солдатъ оплеталъ за десятерыхъ, индо косточки производили трескъ подъ его крѣпкими зубами. Окончивъ ужинъ и поблагодаривъ Бога, Петръ попрежнему сидѣлъ, опершисъ на руки головою, а служивый трактовалъ жирнаго гуся, общипывая его со всѣхъ концовъ.

— Что ты, Гриша, все думаешь? Право,

какъ я замѣчаю, у тебя болитъ голова сильно съ похмелюги?

— Нѣтъ, не болитъ, — отвѣчалъ Петръ,— а очень спать хочется; ужинай скорѣе, дядя, да, напоивъ лошадь, пойдемъ-ко спать.

— Ладно, ладно, только дай съ гусемъ мнѣ покалякать: отличнѣйшій гусь. Свой домашній, что ли, это, хозяйка? — спросилъ служивый сидѣвшую на лавкѣ хозяйку.

— Свой, кормилецъ,—отвѣчала та сквозь зубы:—рада, милостивецъ, что онъ пришелся тебѣ по вкусу.

— То-то же, старая, — сказалъ солдатъ,— впередъ не прячь отъ солдата ничего: первый кусочекъ ему на столъ поставь; не за грошъ свинешь, какъ расходится солдатъ—у солдата, братъ, бѣдовое сердце, куда оно какое горячее! Слушай-ка, баба, я разскажу тебѣ. Въ одно время пришелъ солдатъ въ деревенскую избу на постой, въ полной амуниціи, какъ должно быть солдату. Снялъ онъ съ головы шляпу,

положилъ на лавку, поставилъ ружье со штыкомъ въ передній уголъ и убралъ на полку лядунку съ порохомъ. «Ну-ка, голубушка, хозяюшка, одолжи-ко мнѣ чего-нибудь поѣсть да выпить», сказалъ онъ хозяйкѣ. Хозяйка-то была такая же вѣдьма, какъ и ты.—Нѣтъ ничего, служивый! Хочешь, ѣшь вчерашнюю кашу да щи оставшіеся вотъ дамъ тебѣ я и мостолыгу». А мужъ ея и говоритъ ей тихо:—Жена, дай служивому жаренаго поросенка; ты вѣдь, дура, не знаешь солдатскаго сердца. «Не баринъ какой, молвила она мужу сердито: погрызетъ и мостолыгу». Какъ услыхалъ солдатъ это, да какъ разбунтовался, принялся воевать на славу да хозяйничать въ избѣ: повытаскалъ, на-зло хозяйкѣ, что было хорошаго въ печкѣ, да и поѣлъ до капельки; да потомъ вдобавокъ такъ притузилъ хозяйку, что она двѣ недѣли выла, да о солдатскомъ сердцѣ и теперь помнитъ! Но хозяйка эта была баба злющая: въ то время, когда всѣ легли спать, она, зная, что солдатъ называлъ свою лядунку солдатскимъ сердцемъ, стащила ее съ полки да и припрятала ее въ

себѣ, думая: «авось, солдатъ не хватится своего сердца, а ужъ я тогда съ тобой сдѣ- лаюсь». Что же? на утро, отправляясь въ по- ходъ, солдатъ забралъ всю свою амуницію, а и невдомекъ, что нѣтъ солдатскаго сердца; такое затменіе пришло. Служивый помолился Богу и ушелъ изъ деревни. «А, попалась мнѣ! вскричала обрадовавшись старуха: теперь я раздѣлаюсь съ тобою за вчерашнее». Слу- вый, идя, не хватился своего сердца; хозяйка затопила печь и той порою, какъ мужъ спалъ, она бросила лядунку въ печь. Не прошло ми- нуты, какъ изъ печки грянулъ страшный трескъ, хозяйка вылетѣла чуть живая изъ избы, а бѣд- ный мужъ ея и съ хатою вмѣстѣ былъ поднятъ на воздухъ. Вотъ каково солдатское сердце-то,— прибавилъ служивый, кончая свой разсказъ.

Онъ выпилъ чарку вина, всталъ, помолился Богу и поклонился хозяйкѣ за хлѣбъ и за соль. Петръ улыбнулся, выслушавъ разсказъ слу- живаго, а хозяйка, испугавшись разсказа, по- качала головою, и проговорила: — Избави, Го- споди, всякаго христіанина отъ солдатскаго сердца! — и стала собирать со стола.

— Ну, хозяйка!—крикнулъ солдатъ,—гдѣ бы намъ съ Гришею лечь спать-то?

— Да ложитесь въ избѣ, гдѣ вамъ вздумается.

— Лечь-то не мудрено, здѣсь есть гдѣ; да придетъ съ охоты твой мужъ, разбудитъ насъ, а намъ надо завтра ранехонько въ походъ. А что у тебя въ той коморкѣ? для чего ты въ нее дверь-то запираешь?

— Разный сорь, отецъ мой, — отвѣчала хозяйка, измѣнившись въ лицѣ.

Солдата подстрекнуло любопытство: онъ взялъ со стола свѣчку и, подлетѣвъ къ затворенной двери стрѣлою, толкнулъ ногою дверь: она отворилась, и солдатъ вошелъ въ нее—это была другая просторная комната, въ ней былъ страшный безпорядокъ—чего въ ней только не было: на стѣнахъ висѣли ружья, сабли, кинжалы, множество окровавленныхъ одеждъ валялось

по полу кучами, и разныхъ дорогихъ вещей. Солдатъ смѣтилъ, что дѣло не ладно. «Ну, съѣдять тебя мухи! думаетъ онъ; попали же мы съ Гришею къ людямъ-то кажется не добрымъ. Что дѣлать? отправиться изъ этого проклятаго притона мошенниковъ не можно: на дворѣ какъ разъ попадемся въ руки хозяина, о которомъ говорила хозяйка, что онъ въ дорогѣ. Впрочемъ, постой, думаетъ служивый, поднимусь я на хитрость. Дѣлать нечего, придется переночевать въ этомъ логовищѣ!» Солдатъ поспѣшно вышелъ изъ этого покоя въ прежній и, какъ будто ничего не замѣтивъ, крикнулъ такимъ же голосомъ, какъ и прежде:

— И тутъ не подходитъ ложиться, чортъ возьми! Та, та, та, Гриша, я нашелъ мѣстечко, гдѣ будетъ намъ спать спокойно: мы пойдемъ на чердакъ.

— Какъ и куда спасешь, служивый, — отвѣчалъ Петръ: — только бы лечь, потому что мнѣ право спать очень хочется.

— Ты посиди тутъ, Гриша, а я пойду попою лошадь да захвачу съ собою охапку сѣна—надо же вѣдь намъ лечь на что-нибудь; посвѣти-ко мнѣ, хозяйка!

Петръ не отвѣчалъ на слова служиваго и остался сидѣть на прежнемъ мѣстѣ.

Служивый съ услужливой хозяйкой, несшею въ рукѣ фонарь, отправился въ конюшню, накачалъ изъ колодца воды въ бадью и, напоивъ лошадь, возвратился въ сѣни съ страшнымъ ворохомъ сѣна, таща его на спинѣ.

— Эй, Гриша!—крикнулъ служивый, растворивъ дверь въ избу—ступай за мной спать!

— Да послушай, служивый, — сказалъ Петръ:—зачѣмъ намъ на чердакъ лѣзть? ляжемъ здѣсь въ избѣ.

— Нѣтъ, Гриша, ты, братъ, слушай меня, ступай сюда. На чердакѣ намъ спать будетъ отлично.

— Ну, ну, хорошо, — сказалъ Петръ, вставая съ мѣста.—Дай-ка мнѣ, хозяйка, одѣться чѣмъ-нибудь.

Хозяйка, войдя въ избу, подала Петру кафтанъ, и Петръ, помолясь Богу, вышелъ изъ избы. Солдатъ полѣзъ съ сѣномъ по лѣстницѣ на чердакъ, за нимъ и Петръ; насилу протащилъ служивый огромную охапку сѣна. И вотъ служивый съ сѣномъ, а за нимъ и Петръ залѣзали на чердакъ.

Ночь лунная, какъ мы уже видѣли, и потому чрезъ отворенное слуховое окно, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ довольно пространнаго чердака, куда проникалъ лунный свѣтъ, было очень свѣтло. Шагая черезъ перекладины, солдатъ съ Петромъ выбрали въ сторонкѣ мѣсто и разостлали на немъ сѣно. Петръ окрестилъ свое ложе, перекрестился три раза и, проговоря солдату: — Ложись, служивый! легъ самъ и одѣлся кафтаномъ.

Но солдатъ не послушалъ Петра: онъ не

легъ спать, а подошелъ къ открытому окну и, смотря въ него, проговорилъ:

— Сейчасъ лягу! Дай, Гриша, позѣвать въ окно.

Мѣсяцъ кидалъ серебристый свѣтъ свой, освѣщая все подъ собою. На землѣ со всѣхъ сторонъ густой сосновый лѣсъ. Солдатъ долго смотрѣлъ на величавую луну и блиставшія звѣздочки и долго, долго любовался ими.

— Спи съ Богомъ, братъ Гриша, — сказалъ служивый тихо, услышавъ храпъ Петра: —ты, братъ,—продолжалъ онъ,—и не знаешь, что мы съ тобою попали не въ доброе мѣсто. Я не буду спать всю ночь, а то пожалуй и голову проспишь.

Служивый стоялъ у окна; вдругъ послышался ему по лѣсу гамъ и свистъ: онъ началъ прислушиваться, — началъ слышаться и конскій топотъ все ближе и ближе.

— Ну, — думаетъ служивый, — плохо приходитъ намъ; кажись, разбойники ѣдутъ. Надо подняться на хитрости, перехитрить ихъ, проклятыхъ, — помоги намъ, Господи! Будить Гришу ужъ не стану; чего добраго, онъ захочетъ силою; хоть онъ и богатырь собою, а все съ разбойниками не сладить, — слабосильные не вздумаютъ разбоемъ заниматься; подымусь сперва на хитрости, ну, а если онѣ не удадутся, тогда разбужу и Гришу.

Гамъ, свистъ и топотъ все ближе и ближе, вотъ раздаются на долинѣ и вотъ уже у воротъ; служивый слышитъ, какъ растворились они, а потомъ двери сѣней, и хозяйка съ дочерью поспѣшно выбѣжали съ фонаремъ встрѣчать ихъ.

Служивый, какъ бѣлка, отскочилъ отъ окна и, сойдя съ луннаго свѣта въ темноту, сталъ глядѣть на дворъ. Ворота отворились, и четверо мужиковъ пьяныхъ, съ страшнымъ ругательствомъ, въѣхали верхами на дворъ.

— Тише, тише! — закричала имъ хозяйка, — у насъ въ тенетахъ попалися два звѣря, — одинъ-то солдатъ, взявшійся вести его, нынче живой не придётся, только озорникъ такой, что и Господи упаси; чуть не убилъ меня, почти нашихъ собакъ-то изрубилъ, окаянный, и все поѣлъ, что вамъ было приготовлено. За то отъ другого можно поживиться; у него есть должно быть деньги; на немъ перстень-то, кажись что, серебряный.

— Гдѣ они? — хрипло спросилъ первый голосъ.

— Спятъ на чердакѣ: я сію минуту оттуда — они оба храпятъ крѣпко.

— Ну, объ нихъ нечего толковать — эти телята будутъ нашими, не уйдутъ; напередъ уберемъ лошадей, поужинаемъ, да тогда ужъ велимъ имъ и шеи протягивать.

— Вотъ тебѣ и на! — думаетъ солдатъ, — вотъ мы куда попались! Господи, прости грѣхи наши и спаси насъ!

Не громкая брань, [illegible] [illegible], топотъ и гремѣніе коней [illegible] минуту не умолкали на дворѣ. Сыновья разбойника, такіе же разбойники, какъ и отецъ ихъ, убирали коней. Служивый обнажилъ свой тесакъ и, держа его обѣими руками, сталъ подлѣ творила и думаетъ только: — Господи, помоги и избавь отъ смерти!

Но вотъ, онъ слышитъ, захлопнулась дверь конюшни и голосъ, не громко крикнувшій:

— Ну, вы, черти, пойдемте ужинать!

Солдатъ слышитъ, какъ разбойники со двора пошли къ дому. Сердце его забилось. Онъ слышитъ: они всходятъ на лѣстницу, отворяютъ дверь. Солдатъ присѣлъ на корточки, тесакъ у него на взмахѣ; разбойники вошли въ сѣни.

— Что же, теперь что ли дать [illegible] [illegible] напиться? — проговорилъ одинъ голосъ.

— Успѣешь, не ворогъ ихъ съѣсть! хоть и проснутся, такъ все равно живыми десятокъ отъ невѣрныхъ выходятъ рѣдко! — послѣ ужина, — говорилъ третій голосъ.

— Ну, коли такъ, то ладно! — проговорили другіе голоса. — Ишь какъ они храпятъ на чердакѣ.

— А знаешь что, ребята? Дверь-то не будемъ припирать вплотную: разомъ можно будетъ услыхать, какъ проснувшись, они станутъ разговаривать.

Разбойники отворили дверь въ избу, вошли въ нее и оставили дверь не притворенною. Во все время удерживая дыханіе, служивый сидѣлъ на-готовѣ встрѣтить гостей.

— Съѣдятъ-те мухи, пятеро разбойниковъ! — думаетъ онъ; — по голосу сдается, что намъ не сладить съ ними. Молодцы, нечего сказать, одинъ здоровѣе другого!

Петръ крѣпко спалъ и иногда всхрапывалъ. Служивый немного струсилъ.

— Ужъ не разбудить ли Гришу?—думаетъ онъ.—Нѣтъ, не стану будить его, а то, пожалуй, онъ спросонья, расхрабрившись, испортитъ все дѣло. Отъ нихъ намъ силою не отбояриться: съ пятерыми немного наговоришь; надобно лучше пуститься на хитрость!—Но вдругъ служивый слышитъ голоса разбойниковъ уже въ избѣ.

— Ну, матка,—сказалъ одинъ изъ разбойниковъ,—накрывай скорѣй ужинать! А, бачка, ты ужъ на печь взгромоздился.

— Что я вамъ поѣсть-то дамъ, мои соколи ясные, вамъ не хватитъ поѣсть досыта. Ужъ проклятый солдатишка все пожралъ.

— Да зачѣмъ же ты ему ѣсть давала? Ты тутъ сидишь дома, да всякому бродягѣ всѐ хорошее даешь, а изъ-за нихъ намъ самимъ ѣсть нечего.

— Да что же мнѣ было дѣлать, меня чуть не зарубилъ этотъ солдатишка тесакомъ; но я все-таки стояла на своемъ, не показывая вашего съѣстного, потчевала его щами да кашею. Да вотъ, проклятая нѣмая чертовка, сестрица ваша любезная, показала ему, гдѣ все было спрятано.

— Ахъ, ты, проклятая, нѣмой дьяволъ!—и съ этими словами всѣ разбойники бросились колотить свою сестру.

Долго нѣмая производила какое-то мычаніе, и наконецъ все замолко.

— Вотъ тебя какъ отколотили, такъ ты будешь знать, проклятая, и въ другой разъ не будешь показывать, гдѣ стоитъ наше съѣстное. Ужъ я ихъ, проклятыхъ,—продолжалъ тотъ голосъ,—а ужъ пуще этого мошенника солдатишку; охотника убью, а этому только на смерть надрѣжу горло, да и натѣшусь, какъ онъ начнетъ бѣгать съ перерѣзаннымъ горломъ по двору. Да что мы, въ самомъ дѣлѣ,

балка, на что оставили ихъ до той поры, какъ отдыхаемъ? Вы будьте тутъ, а я, покамѣсть собираютъ на столъ, слажу да закончу ихъ.

— И дѣло вздумалъ! — закричалъ съ печи отецъ.

— Ѳедька, дай-ка мнѣ ты свой ножъ: мой дьяволъ иступился! — проговорилъ прежній голосъ.

— Во! — проговорилъ другой.

Солдатъ все слушалъ; сердце у него билось сильнѣе и сильнѣе.

— Да ты, Аѳонька, — проговорилъ отецъ, — возьми съ собою топоръ: неровенъ часъ, начнутъ барахтаться, такъ чтобы пришибить было чѣмъ.

— Возьму и топоръ, — проговорилъ Аѳонька. — А коли невмочь станетъ, васъ позову. Ну, я пойду!

Служивый, сидя на корточкахъ, занесъ острый свой тесакъ и въ такомъ положеніи сталъ ждать появленія разбойника.

Тотъ не замедлилъ, идётъ; дверь избы тихо отворилась и потомъ притворена осталась не плотно; немного спустя, тихо отворилась дверь чердака и затворилась не плотно; разбойникъ лѣзетъ на чердакъ.

Служивый, почти не дыша и мысленно прося у Бога помощи, дожидался близко появленія. И вотъ показалась при лунномъ свѣтѣ, падавшемъ въ окно, безобразная голова разбойника, и лишь только тотъ ступилъ еще ступень, солдатъ взмахнулъ тесакомъ и голова разбойника отлетѣла въ сторону шага на два, а туловище покатилось по лѣстницѣ, стукаясь о ступени и, катясь такимъ образомъ, откатилось въ самый уголъ сѣней. Солдатъ перекрестился и сталъ ждать другаго разбойника.

— Экой дьяволъ этотъ Аѳонька, какого чорта онъ съ ними калякаетъ, шелъ бы ужъ

нать, — сказалъ отецъ разбойниковъ, садясь за столъ.—Что онъ тамъ дѣлаетъ, проклятый, съ ними? Поди-ко, Ѳедюха, къ нему слазій, да тащи его ужинать.

— Что ты, лѣшій, запропастился тамъ?— выйдя въ сѣни, закричалъ Ѳедюха брату и, притворивъ не плотно за собою дверь, отправился на чердакъ.

Служивый сидитъ, поджидаетъ; но вотъ и этотъ чуть только просунулъ голову, служивый цапъ его по загривку, и у этого отлетѣла башка. Кровь брызнула въ лицо служивому, а безголовый трупъ покатился къ первому.

— Экіе черти, и этотъ увалень проклятый заговорился тамъ опять!—проговорилъ отецъ разбойниковъ.

Солдатъ перекрестился.

— Ну,—думаетъ,—слава Тебѣ, Господи теперь ихъ трое: все легче справляться, чѣмъ съ пятерыми.

— Слушайте-ка, робята,—началъ отецъ,—турните ихъ, проклятыхъ.

— Ладно, сходитъ и одинъ Оська,—сказалъ Тряшка, не разставаясь съ полуштофомъ наливки.

— Да послѣ поужинаете, поѣнете жадничать-то! ну, ступай, Оська, хоть ты!

Выходя изъ избы и опять не плотно притворяя дверь, Оська полѣзъ по лѣстницѣ на чердакъ,—и Оську постигла та же участь, какъ и двухъ первыхъ.

— Да что же они, проклятые, смѣяться, что ли, надо мною хотятъ?—проговорилъ отецъ; —дай-ко я ихъ поучу пойду—и, снявъ со стѣны висѣвшій ремень, отправился на чердакъ.

Служивый ждалъ, и вотъ старикъ, хватаясь за верхнія ступени, высунулъ голову,—взмахъ тесака и голова стараго разбойника отлетѣла въ сторону.

Остался одинъ разбойникъ Тришка; ждалъ онъ, ждалъ своихъ, но видя, что ихъ нѣтъ, выпилъ еще четыре стакана вина и самъ отправился на чердакъ.

Онъ выбрался изъ избы и, притворяя за собою дверь, впотьмахъ не попалъ на лѣстницу чердака, а наткнулся на обезглавленные трупы отца и братьевъ.

— Эки дьяволы, чего-то накидали на дорогѣ въ сѣняхъ! — пробормоталъ Тришка, — да нѣтъ, я не туда попалъ: вотъ куда надо! — и онъ полѣзъ по лѣстницѣ.

Солдатъ смѣло въ пятый разъ занесъ тесакъ. Едва просунулась голова Тришки, какъ мигомъ отлетѣла прочь отъ шеи и, брызнувъ кровью въ лицо служиваго, судорожно мигая, упала въ сторону, а трупъ покатился къ другимъ трупамъ.

— Ну, слава Тебѣ, Господи! Ты помиловалъ насъ, избавилъ насъ отъ неминуемой

смерти,—воскликнулъ солдатъ, вздохнувъ свободнѣе.

Тутъ онъ подошелъ къ спящему Петру и, тихо толкая его, сказалъ:

— Проснись-ка, Гриша, проснись.

Петръ открылъ глаза и, ничего не замѣчая, спросилъ:

— Ты еще не спишь, служивый?

— Встань-ка, встань-ка, братъ Гриша, да посмотри,—кабы я спалъ, такъ нашимъ головамъ пришлось бы валяться такъ же, какъ и этимъ.

Петръ вскочилъ, и изумленный взоръ его остановился на страшныхъ окровавленныхъ головахъ: испугъ и изумленіе потрясли Петра, — болѣзнь его миновалась. Изумленный орлиный взоръ его съ минуту былъ обращенъ на головы разбойниковъ и потомъ на солдата, безмолвно стоявшаго на лунномъ свѣтѣ.

— Служивый, ты весь въ крови!—сказалъ Петръ.

— Да, братъ Гриша, попались мы было къ добрымъ людямъ въ лапы, да Господь помиловалъ насъ грѣшныхъ.

Тутъ служивый разсказалъ Петру, что было съ того времени, какъ онъ уснулъ.

— Что же ты не разбудилъ меня? — спросилъ удивленный Петръ.

— Побоялся, братъ, что ты, погорячась, перепортишь все дѣло.

Петръ благоговѣйно возвелъ взоръ благодаренія къ небу, потомъ обнялъ и поцѣловалъ служиваго.

— Ну, служивый, отплачу и я тебѣ когда-нибудь добромъ за то, что спасъ меня отъ смерти. Да всѣ ли тутъ разбойники?—прибавилъ Петръ.

— Всѣ, всѣ, братъ Гриша, ..мъ остались только двѣ бабы: мать съ нѣмою дочкой.

— Пойдемъ, служивый, внизъ, — проговорилъ Петръ, вынувъ изъ-за пояса небольшой заряженный пистолетъ и взвелъ курокъ.

— Пойдемъ, пойдемъ, братъ Гриша. Ну, пройму же я эту бабу! Теперь она покажетъ мнѣ не только, гдѣ схоронила съѣстное, а и гдѣ спрятана у нихъ казна награбленная!

И онъ снова замахалъ тесакомъ.

И вотъ Петръ съ служивымъ по окровавленной лѣстницѣ спустились въ сѣни.

— Здѣсь друзья-то валяются,—проговорилъ служивый, ступая ногой на окровавленный полъ, по которому струйками лилась кровь.

Толкнувъ дверь ногою, солдатъ и Петръ вошли въ избу.

— Пришелъ я съ того свѣта за твоею душою, проклятое пугало! — вскричалъ солдатъ на хозяйку.

Хозяйка и дочь ахнули, и послѣдняя, какъ стояла, такъ и рухнулась безъ чувствъ на полъ.

Солдатъ бросился къ поблѣднѣвшей бабѣ,— она упала передъ нимъ на колѣни и завопила:

— Помилуйте, отцы родные, отпустите душу на покаяніе!

— Вотъ какимъ звѣринымъ ловомъ вы промышляете! — закричалъ солдатъ. — Говори, змѣя-подколодная, если что еще у васъ въ мужиковъ, кромѣ четырехъ сыновей и мужа?

— Кромѣ никого, отцы мои, ни единаго человѣка!—вопила хозяйка.

— Говори, давно ли вы занимаетесь этимъ ремесломъ?

— Двадцать лѣтъ.

— Нѣтъ ли еще у васъ товарищей?

— Видитъ Богъ, нѣту. Были версты за двѣ отсели, да вотъ уже лѣтъ пять какъ они переловлены.

— Ну,—вскричалъ солдатъ, — бери ключи да показывай, гдѣ лежитъ ваша казна, которую вы накопили, убивая людей!

— Все покажу, родимый, все возьми, только не убивай меня: дай отмолить мнѣ грѣхи мои.

— Молись, молись за упокой сыновей и мужа.

Баба вся затряслась, вскочила и, шатаясь, пошла въ другую комнату. Черезъ минуту она возвратилась, неся ключи и зажженную свѣчку, и проговорила дрожащимъ голосомъ:

— Пойдемте, отцы мои, возьмите все, только отпустите душу на покаяніе.

Хозяйка со свѣчкою въ рукахъ вышла изъ избы. Когда она вступила въ сѣни и при свѣтѣ увидѣла трупы, то вся задрожала и вскрикнула пронзительно.

— Ну, ну, еще успѣешь наплакаться!—сказалъ солдатъ, выходя съ Петромъ, который въ продолженіе этого времени все молчалъ.

Баба отворила дверь на крыльцо и со свѣчей и ключами въ рукахъ сошла съ него на

дворъ, а за нею и служивый съ Петромъ Осенняя свѣжесть охватила ихъ. Мѣсяцъ и звѣзды смотрѣли съ чистаго неба на шествіе хозяйки съ солдатомъ и Петромъ налѣво. Отъ безвѣтрія въ рукахъ хозяйки свѣча не была въ опасности ежеминутно потухнуть, но роняла свѣтъ на землю и отражала тѣнь бабы.

Солдатъ шелъ съ обнаженнымъ тесакомъ, а Петръ держалъ пистолетъ и съ любопытствомъ осматривалъ все кругомъ себя.

Хозяйка подвела къ кладовой Петра и служиваго и, отдавая солдату свѣчу, молвила:

— Подержи, отецъ родной,—и стала отпирать желѣзный замокъ; отворивъ его, она отворила и дверь, за нею была еще другая, скоро и та отворилась, и хозяйка сошла въ сухой погребъ.

— Ты, братъ Гриша, не ходи, погоди немного,—сказалъ солдатъ Петру,—а то она,—продолжалъ онъ,—пожалуй и припретъ насъ.

— Не бойся, не пойду,—отвѣчалъ Петръ, остановясь у входа.

Спустясь въ подвалъ съ хозяйкою, солдатъ изумился: по стѣнѣ стояли боченки съ золотомъ, серебромъ и мѣдью и разныя дорогія вещи валялись по каменному полу погреба.

— Уфъ, съѣлятъ-те мухи, сколько денегъ-то! — вскричалъ солдатъ. — Ну, награбили же вы богатство несмѣтное! Вѣрно тьму-тмущую христіанскихъ-то душъ загубили?

Петръ изъ любопытства нагнулся въ погребъ: въ это время раздался выстрѣлъ и пуля пролетѣла мимо уха Петра; онъ обернулся назадъ: на крыльцѣ стояла, какъ окаменѣлая, дочь хозяйки, и въ ея рукахъ дымился пистолетъ. Въ это мгновеніе изъ рукъ Петра солдатъ выдернулъ пистолетъ и спустилъ курокъ: раздался выстрѣлъ, а за нимъ со стономъ повалилась на землю нѣмая.

При первомъ выстрѣлѣ хозяйка быстро бросилась изъ погреба. Да нѣтъ: солдатъ предупредилъ ее, и когда раздался второй выстрѣлъ, а за нимъ стонъ дочери, баба грянулась на землю.

Петръ вынулъ изъ-за пояса другой пистолетъ и, подойдя къ убитой дѣвушкѣ, насыпа-

шись надъ нею, взялъ ее за руку: она была и холодна и тяжела.

— Пойдемъ, братъ Гриша, хоть и жаль нѣмой, ну, да чортъ съ ней: яблоко отъ яблони не далеко падаетъ. Пойдемъ, только вотъ я нагребу себѣ золота, а потомъ ты нагребешь себѣ.

— Слушай, дядя, ты бери себѣ, сколько хочешь, а мнѣ не надо, уѣдемъ лучше отсюда поскорѣе.

— Пожалуй, поѣдемъ, — и солдатъ, наполнивши свои карманы, фуражку и голенища золотомъ, даже и нагрудникъ набилъ имъ, отправился съ Петромъ изъ дому. Петръ ѣхалъ, а солдатъ шелъ, потому что не хотѣлъ ѣхать.

Еще не разсвѣло, когда солдатъ съ Петромъ выбрались на большую дорогу; когда они обернулись назадъ, то надъ лѣсомъ стояло ужасное зарево.

— Ну, братъ Гриша, — сказалъ солдатъ, смотря вмѣстѣ съ Петромъ на зарево, — это, вѣрно, горитъ нашъ дьявольскій дворецъ.

— Да, да,—отвѣчалъ Петръ,—это, вѣрно, горитъ онъ. Прощай, дядя! Вонъ занимается заря,—видишь? Теперь ты и одинъ найдешь дорогу безопасно.

Тутъ Петръ, разспросивъ его подробно, гдѣ онъ служитъ и, обнявъ его, приказалъ непремѣнно приходить во дворецъ и спросить охотника Гришу, и распростясь съ нимъ, поѣхалъ шибче; солдатъ пустился въ деревню, напѣвая какую-то пѣсню. Долго шелъ онъ; наконецъ, пришелъ къ кабаку, спросилъ себѣ вина и солянку; ему изготовили и подали. Поѣвъ хорошенько и выпивъ, солдатъ спросилъ:

— Ну, съѣдять-те мухи, денегъ-то сколько вамъ за все?

— Ничего не надобно! — отвѣчалъ цѣловальникъ, низко кланяясь.

— Да у меня, съѣдять-те мухи, денегъ-то есть,—и онъ бросилъ имъ нѣсколько золотыхъ монетъ и, надѣвъ фуражку, вышелъ изъ кабака.

Наконецъ, подошелъ солдатъ къ гауптвахтѣ, ему солдаты отдали честь.

— Ахъ, съѣдять-те мухи, ужъ всѣ узнали, что у меня есть деньги,—и онъ бросилъ имъ двѣ горсти золота на водку и пошелъ дальше.

Вдругъ ему попались какіе-то двое, и онъ пригласилъ ихъ въ кабакъ выпить; пилъ, пилъ, да напился служивый такъ, что и заснулъ; а когда проснулся, то увидѣлъ, что онъ лежитъ въ великолѣпныхъ покояхъ. Платье на немъ то же, а голова трещитъ съ похмелья; значитъ это не сонъ,—думаетъ служивый. И началъ вспоминать солдатъ вчерашнее свое приключеніе.

— Гдѣ, братъ, я нахожусь?—спросилъ онъ шедшаго мимо его лакея.

— Во дворцѣ,—отвѣчалъ тотъ,—у твоего пріятеля Гриши.

— Ахъ, съѣдять-те мухи! это хорошо, а его повидать можно?

— Пойдемъ,—и онъ повелъ по комнатамъ служиваго.

Солдатъ шелъ; на дорогѣ попадалось ему множество придворныхъ, и всѣ они съ любопытствомъ глядѣли на солдата. Когда же лакей повелъ его по лѣстницѣ въ главный этажъ

дворца, мимо бравыхъ караульныхъ солдатъ, нашъ служивый испугался и говоритъ: «Куда это ты ведешь меня, добрый человѣкъ?»

— Извольте идти за мною, приведу, куда слѣдуетъ, — отвѣчалъ учтиво лакей.

И вотъ испуганнаго солдата вводятъ въ царскіе покои, вотъ и въ пріемную, гдѣ много стоятъ разныхъ генераловъ. Среди великолѣпія является нашъ солдатъ въ грязи, крови и пыли. Всѣ генералы обратили любопытные взоры на солдата, и лакей провелъ его мимо нихъ и поставилъ у окна. Вдругъ, окруженный важными особами, вышелъ изъ ближайшей комнаты государь. Солдатъ испугался, когда узналъ въ царѣ вчерашняго Гришу; онъ подумалъ: не сдѣлалъ ли я чего худаго ему, вотъ когда я пропалъ-то!

Когда императоръ подошелъ къ нему близко, солдатъ повалился ему въ ноги и тихо проговорилъ:

— Государь, помилуй!

— Встань, — сказалъ императоръ и самъ поднялъ служиваго.

Солдатъ вытянулся передъ Петромъ.

— Благодарю тебя, — продолжалъ императоръ служивому: — ты спасъ мнѣ жизнь, за что поздравляю тебя капраломъ Невскаго полка. Поѣзжай тотчасъ съ подводами и отрядомъ на нашъ ночлегъ, забери тамъ все, что есть, да донеси мнѣ объ оставшейся хозяйкѣ, а если она жива, привези и ее сюда.

Нашъ солдатъ снова повалился императору въ ноги.

— Встань и исполняй, что я тебѣ приказываю! — сказалъ государь тихо.

Часа черезъ четыре новый капралъ съ тремя подводами подъ прикрытіемъ солдатъ выѣхалъ изъ лѣса по знакомой намъ лѣсной дорогѣ на долину, гдѣ вчера ночевали; но на мѣстѣ прекраснаго дома дымились только головешки и лежали какіе-то два обгорѣвшіе трупа женщинъ. Приказавъ командѣ сбирать что было, служивый съ нѣсколькими боченками золота возвратился вечеромъ въ Петербургъ, привезя въ казну боченки съ золотомъ.

На другой день Петръ Великій пожаловалъ офицеромъ нашего служиваго и подарилъ ему полбоченка золота.

Даря золото новому офицеру, императоръ, подавъ ему рубль, промолвилъ:

— Знай пословицу: кто рубля не бережетъ, тотъ самъ гроша не стоитъ.

Нашъ новопожалованный офицеръ вызвалъ жену свою съ дѣтьми изъ деревни и, служа вѣрою и правдою государю Петру Алексѣевичу, никогда не былъ имъ забытъ.

КОНЕЦЪ.